

Лоскутов С.

У партизан

**Записки фотокорреспондента
газеты "Красная звезда"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С11

С11 **С. Л.**
У партизан: Записки фотокорреспондента газеты "Красная звезда" / Лоскутов
С. – М.: Книга по Требованию, 2025. – 80 с.

ISBN 978-5-519-93944-7

ISBN 978-5-519-93944-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

будто дремлет. Но он не дремлет, а все слышит. За сто шагов затрещит сучок под ногой. Егор сразу откроет глаза, прислушается и шепнет нам, кто идет, далеко ли... Лесной человек, болотный житель.

И вот настал долгожданный день. Линия фронта шла по реке. Ее надо было перейти вброд. Вечером весь наш отряд прибыл в расположение роты, где мы решили перейти реку. Погода была скверная, все время шел дождь. Где-то далеко, за лесом, играли зарницы.

Часов в 10 все было готово к выступлению. Мы поднялись, чтобы попрощаться с командиром роты. Не скрою, я волновался — уж очень дело необычное. Мои товарищи казались спокойными, но по сосредоточенности и молчаливости я угадывал их внутреннее напряжение.

— Ну, перш, счастливо! — сказал командир.

Он потряс наши руки, мы двинулись к выходу. В это время зажужжал телефон. Из штаба полка передали телефонограмму: задержать наш переход впредь до нового распоряжения.

Мы стояли ошеломленные. Неужели разрешение на переход отменено? Неужели напрасны все сборы, приготовления? Мы не могли понять, что случилось.

Разгадка вскоре явилась в виде молодого черноволосого парня, имевшего совершенно за-

паренный вид. Пот катил с него градом, когда он ввалился в хату. Он с испугом и надеждой оглядывал каждого из присутствовавших, задавая один и тот же вопрос:

— Не ушли? Еще не ушли?

Когда выяснилось, что мы не ушли, он бросился к нам, стал пожимать руки.

— Здравствуйте! Я Плескачевский. Иду с вами. — И продолжал твердить.

— Здравствуйте! Я Плескачевский.

Оказалось, что он сотрудник фронтовой газеты. Узнав, что готовится экспедиция к партизанам, он упросил начальство отпустить его и кинулся за нами. Он так спешил, что даже не взял рюкзака, пришел с голыми руками. Пришлось нам поделиться с ним довольствием. Зато мы переложили на него и часть груза. Он оказался отличным товарищем. Лева—так звали Плескачевского—был человеком физически некрепким, болезненным. В течение всей экспедиции он чувствовал недомогание, температурил, но держался стойко — ни одной жалобы от него на болезнь или усталость мы не слышали. Даже Егор о нем говорил:

— Молодец, Лев: руки слабые, зато сердце железное.

...На следующий день мы снова все собрались в хате командира роты. Командир решил проводить нас на славу. Он крикнул повару:

— Васильич! Приготовь Картоху Терентьевну!

Картоха Терентьевна оказалась чудесной печеной картошкой. Повар готовил ее с каким-то особым шиком. Сколько раз мы вспоминали о ней в походе! Белая, рассыпчатая. Корка похрустывала на зубах. Мы прикончили ее единым махом. Командир крикнул:

— Васильич, давай пузана!

Явился и пузан—солидный никелированный самовар. Попили чайку.

Командир поднялся.

— Пора!

Мы вышли из хаты. Была ненастная грозовая ночь. После тепла нас сразу прохватил холодный, порывистый ветер. Впереди шел командир-сапер, который провел нас по минным полям: оба берега реки были минированы нашими войсками. Кроме того командир роты выделил стрелковое подразделение, чтобы оно проводило нас на тот берег.

Неожиданно взошла луна. В ее желтоватом свете наши фигуры и даже лица были видны совсем отчетливо. Слышались раскаты грома, им вторили артиллерийская канонада и пулеметные очереди. Экспедиция двигалась гуськом за командиром саперного взвода. При этом мы точно следовали линии его движения. Шаг в сторону — и каждый рис-

ковал налететь на мины. Итти было нелегко, приходилось держаться друг за друга руками.

Вот и река. Пахнет знакомой речной сыростью.

— Раздеться! — шопотом передал по цепочке командир.

Начали раздеваться, увязывать вещи. В спешке вещи терялись, мы шарили руками по траве, ища шапки, сапоги...

Раскаты грома стали резче, слышнее. Приближалась гроза. Становилось все светлее и светлее. Это плохо. Немецкие часовые могут нас заметить.

Разделись. Вещи держали над головами в руках. Раздался тихий всплеск, — это вошел в реку командир. Вот и моя очередь. Ноги коснулись воды. Ледяная! Дрожь прохватывает тело, коченеют икры, колени. Кажется, что холод пробирается к самому сердцу. Мы идем зигзагами, извилинами за сапером: дно реки тоже минировано. Вдруг ослепительно вспыхнуло медное солнце—ракета. Мы прыгнули к воде, замерли: неужели и сейчас немецкие наблюдатели не заметят нас и не откроют огня? Нет, все тихо. Пробираемся дальше. Запах ила, водорослей, какие-то дальние шорохи.

Пока все шло хорошо. Тело постепенно привыкло к холоду, стало теплее, движения сделались легче, свободнее.

Внезапно раздался шум. Столб воды взлетел где-то справа. Брызги посыпались во все стороны. Это Яша Ривман споткнулся о гнилую корчагу на дне реки и плюхнулся в воду.

— Хальт! — послышалось с берега. Кричал часовой — немец.

Мы пригнулись к воде, стараясь слиться с ней, погрузиться в нее.

— Хальт! — раздалось еще раз, и прозвучал выстрел.

НОЧЬ И ДЕНЬ

Мы стояли не шелохнувшись. На берегу, занятом немцами, началось неясное движение, слышались беспорядочные выстрелы. Короткими очередями застрочили пулеметы. Наши войска стали отвечать, завязалась оживленная перестрелка.

Мы продолжали стоять по грудь в воде. Видимо, и на этот раз нас не заметили—немцы были увлечены перестрелкой, которая все усиливалась.

Оставаться в воде становилось невыносимо: тело окоченело, ноги были, как деревянные. Командир шопотом приказал:

— Вперед!

Он резко свернул вправо, и мы пошли по течению. Стрельба продолжалась, в дело вступили минометы. Наши войска, очевидно, хотели отвлечь от нас внимание немцев. Это им удалось. Мы беспрепятственно прошли метров 200 и осторожно направились к берегу. Приблизившись, долго приглядывались, прислушивались. Тишина. Разведчики вышли на берег, быстро обследовали его. Ни души.

Мы вылезли на траву. О, каким теплым кажется осенний воздух после ледяной ванны!

Пока мы одевались, саперный командир осторожно ходил вокруг, всматриваясь в темноту. Как сейчас, помню его фигуру. Он был в каске, но без брюк, в одних трусах, с автоматом в руках. Длинноногий, худой...

Оделись.

— Ну, счастливо, друзья! — сказал командир. Все горячо пожали ему руку.

Итак, мы оставались одни. Было немного не по себе.

— Возвращайтесь скорей. В гости к Картохе Терентьевне! — сказал командир.

Мы улыбнулись, на душе стало легче. Великое дело — шутка в трудный момент!

Командиры и стрелки опять вошли в воду. Вот последний боец мелькнул среди кустов и исчез. Одни! Гроза отошла. Стрельба затихала. Лил сильный дождь. Пляц-палатки начали

промокать. Наша группа была в центре немецкого расположения. Нам предстояло пересечь две дороги и дойти до леса, где мы могли себя чувствовать в некоторой безопасности. Последний раз оглянулись на реку, которая отделяла нас от советских войск, и тронулись в путь.

Дождь все усиливался. Капли шуршали о листья и казалось, что кто-то, крадучись, следует за нами. Немецкие посты и засады должны были быть рядом. Через каждые два-три шага мы останавливались и прислушивались. Тишина. Шорох дождя, глухие порывы ветра.

Внезапно Зайцев, наш командир, остановился, как вкопанный. Застыли и мы. Среди монотонного шума дождя ясно слышались голоса. Это был немецкий сторожевой пост, разместившийся возле кустарника. Мы почти налетели на него. Немцы о чем-то спорили. Наконец, один из них сердито выругался и пошел прочь. Он прошел в нескольких метрах от нас, громко разбрызгивая лужи. Мы словно вросли в землю.

Что делать? Постояли минут десять. Немцы не уходили.

— Ползком! — шопотом передал Зайчик по цепочке.

Мы поползли по лужам, прижимаясь грудью и животом к траве. Вода насквозь промочила одежду. Нижняя сорочка прилипла к телу,

как компресс, который никак нельзя было назвать согревающим.

Наконец, Зайчик приказал подняться. Пошли, ноги вязли в мокрой земле, сырость прохватывала до костей. Очень хотелось курить, но об этом не могло быть и речи. Мы натыкались на кусты, спотыкались на пни, под ногами потрескивали сучья. Проселочной дороги, которая должна была находиться где-то поблизости, все еще не было видно. Мы заблудились.

Решили войти в ближний лесок, чтобы передохнуть и обсушиться. Решение это приняли не без спора, но говорили шопотом, близко наклонившись друг к другу. Осторожно вошли в лесок.

Но вот неподалеку слышались голоса, раздалось позвякивание посуды. Оказывается, метрах в ста от нас расположились немцы. Мы ясно видим, как мелькают среди деревьев мундиры немецких солдат, запахло кухонным дымом. Зайчик отправился в разведку. Мы продолжаем лежать в сотне метров от немцев. Плескачевского мучает кашель. Он сдерживается изо всех сил, но кашель прорывается, и бедный Лева прижимает кепку к губам. Слезы выступают у него на глазах от напряжения, все тело сотрясается. Этот кашель приносит нам много беспокойства.

— Лева, не надо, — шепчем мы умоляюще. — Ну, сдержись, потерпи!

Но Лева только безнадежно машет рукой и, уткнувшись ртом в кепку, придерживая ее рукавом, продолжает кашлять.

Если бы немцы внимательно наблюдали за местностью, то, несомненно, обнаружили нас: над нами все время кружились три сороки. Скверные птицы! Если вьется сорока в воздухе, стрекочет, — знай: в лесу люди.

Несколько раз пытались мы отогнать сорок, осторожно кидая в них палками. Птицы улетали стрекоча, но затем опять прилетали и кружились, кружились...

Однако немцы ничего не заметили.

В середине дня немецкому повару понадобились дрова, он взял топор и вместе с двумя солдатами, тоже вооруженными топорами, пошел в лес. Они двигались прямо на нас, посвистывая и куря трубки.

— Полундра, парни! — шелкнул по-матросски Яша Ривман.

Он мигнул нам. Мы вынули пистолеты и приготовили гранаты, так как еще раньше решили: если немцы нас обнаружат, — драться до последнего патрона, до последней гранаты. Но последнюю пулю оставить себе, не попадаться немцам в лапы живыми. Повар и солдаты подходили. Вот они остановились у березки, повар пнул ее, она ему почему-то не

понравилась, он пошел дальше. Солдаты за ним. Прямо на нас.

Яша поднял пистолет, за ним — мы. Солдаты были в десяти шагах. Они шли посвистывая. Яша прицелился.

Повар подошел к небольшой сосне, обошел ее осматривая. Потом что-то сказал солдатам, и те стали рубить. Дерево рухнуло, макушка легла рядом с нами, задев ветвями. Солдаты поволокли сосну к лагерю. Мы облегченно вздохнули. Пронесло!

В середине дня вернулся из разведки Зайчик. Оказалось, что ночью мы дали крюк — дорога находилась примерно в трех километрах от нас. Решили ждать вечера и в темноте идти дальше.

Дела пока шли неплохо: немцы не замечали ничего. И вдруг — свинья!

Да, самая обыкновенная, ничем не примечательная свинья. Она подошла к леску хрюкая, тыкаясь в землю пяточком, и сразу же направилась к нам. Я отогнал ее палкой. Она отпрыгнула в сторону, остановилась и снова как ни в чем не бывало вошла в лесок.

И вот мы увидели, как четыре немецких солдата показались из-за деревьев с ружьями наперевес. Они заметили свинью и решили за ней поохотиться. Они двигались за ней, не видя ничего вокруг, как замороженные.